

УДК 811.161.1:821.161.1(09)

ФРАГМЕНТ РЕКОНСТРУКЦИИ РЕЧЕВОЙ ПРАКТИКИ XIX В. НА ПРИМЕРЕ ЯЗЫКА А.С. ПУШКИНА

Е.А. Кудрявцева (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Статья посвящена рассмотрению узуальных языковых единиц XIX в., отраженных в письмах А.С. Пушкина, в аспекте их несоответствия современным нормам. Исследование «малых диахронических сдвигов», произошедших в языке за 100–200 лет, представляется сегодня весьма актуальным, поскольку язык пушкинского времени уже достаточно отдален от нас, чтобы отграничить его от современного узуса. Для этого требуются накопление и систематизация соответствующих языковых фактов.

Цель статьи – охарактеризовать ряд произносительных, грамматических и лексических единиц, свойственных узусу XIX столетия в отличие от современного.

Материал исследования. Основным материалом исследования послужили письма А.С. Пушкина за 1830 г. В качестве дополнительного материала привлекались данные «Словаря языка Пушкина» и Национального корпуса русского языка.

Основные методы – диахронический, сопоставительный, контекстного и компонентного анализа.

Результаты исследования. Анализ эпистолярных текстов Пушкина позволяет подтвердить мысль о том, что произносительные и грамматические нормы XIX в. характеризовались более широкой вариативностью, чем в современном языке. Фиксация значений слов, актуальных для пушкинской эпохи, в современных словарях не всегда отражает реальную практику их употребления, поскольку в данных лексемах могли произойти существенные семантические изменения. Примеры глагольного управления также могут свидетельствовать о малых семантических сдвигах в словах, на что указывает изменение их лексико-грамматической сочетаемости.

Ключевые слова: узус XIX в., малые диахронические сдвиги, язык Пушкина, вариативность языковых единиц, морфологические формы, лексическая семантика, глагольное управление.

Постановка проблемы. Язык А.С. Пушкина трудно назвать малоизученным. Ему посвящена обширная литература. Однако существует не так много работ, в которых речевая практика поэта изучалась бы в аспекте характеристики узуса его эпохи в соотношении с современной речевой традицией. Исключение, пожалуй, составляют лексика и фразеология. В этом смысле актуальным представляется изучение не только речевой практики Пушкина, но и других представителей (не обязательно писателей и поэтов) всего XIX столетия.

Цель статьи – охарактеризовать некоторые языковые единицы, отраженные в письмах А.С. Пушкина, которые можно квалифицировать как элементы узуса первой половины XIX столетия, отличающие его от современного узуса.

Обзор научной литературы. Вопрос об отличии русского литературного языка XIX в. от современного ему языка (середины XX в.) был поставлен в работах

Л.А. Булаховского [Булаховский, 1948; 1957]. Однако признавая, что на протяжении столетия изменения произошли и в лексике и в грамматике, исследователь замечает, что они коснулись прежде всего поэтического языка (который формировался выдающимися представителями этого периода) и отдельных жанров литературы, в то время как за их пределами подобные изменения не столь значительны [Булаховский, 1957, с. 16–19]. Выводы автора сделаны на обширном материале, однако при анализе произносительных и грамматических особенностей указанного периода Л.А. Булаховский опирается прежде всего на художественные, в том числе поэтические, тексты. Лексика же исследуется на материале разножанровых текстов, но в центре внимания оказываются ее стилистические характеристики [Там же].

Среди значимых работ, посвященных речевой практике пушкинской поры в сравнении с современной, нужно назвать статью Г.О. Винокура «Пушкин и русский язык», написанную к столетней годовщине смерти поэта. В центре внимания лингвиста оказываются по преимуществу грамматические, а также отдельные произносительные и лексико-стилистические явления – особые формы рода, числа, падежа некоторых существительных и прилагательных, распространенность ударного окончания *-ы* в соответствии с современным *-а* (*гнезды, блюды*), активность окончания родительного падежа *-у* по сравнению с современным *-а*, отсутствие *н* в косвенных падежах местоимения 3 лица с предлогами (*между ими*), образование страдательных причастий от глаголов, не образующих таковых в современном языке (*он был отказан*); ударение, отличающееся от современного (например, у существительных женского рода множественного числа – *страны́, скалы́, судьбы́*); лексика, активно функционировавшая во времена А.С. Пушкина, которая позднее сузила сферу употребления до «областной» или просторечной (например, *испужать, допустить*) [Винокур, 1959, с. 189–204].

Г.О. Винокур высказал в статье два важных, на наш взгляд, тезиса. Один из них заключается в том, что язык писателя нужно изучать в контексте его эпохи [Там же, с. 189]. Второй касается непосредственно узуса первой половины XIX в., который характеризовался значительно большей вариативностью нормы, чем это наблюдается в современном языке [Там же, с. 193].

Еще одним исследованием языка Пушкина, созданным в первой половине XX в., в котором затрагивается вопрос об изменениях, произошедших в языке со времен поэта, является работа Б.В. Томашевского [Томашевский, 1956].

Новый всплеск интереса к узусу XIX столетия в его исторической динамике наблюдается в начале 2000-х гг. Выделяется направление, в рамках которого изучаются «малые диахронические сдвиги» [Падучева, 2018], то есть изменения в языке, наблюдающиеся на протяжении 100–200 лет.

Так, семантические сдвиги в словах, влияющие на лексическую сочетаемость последних и особенности управления, рассмотрены на материале прозы А.С. Пушкина Д.О. Добровольским [Добровольский, 2001; 2003; 2013]. «Эффекту ближней семантической эволюции», то есть внешне незаметным семан-

тическим изменениям в словах, произошедшим за столетие, которые «затемняют» смысл текста ушедшей эпохи в восприятии современных читателей, посвящены, например, работы Анны А. Зализняк и А.Б. Пеньковского [Зализняк, 2012; Пеньковский, 2000].

Грамматические и лексико-семантические сдвиги на материале языка Л.Н. Толстого рассмотрены Е.В. Падучевой в уже упомянутой статье [Падучева, 2018]. Е.В. Рахилина подобный анализ проводит на примере творчества М.Ю. Лермонтова [Рахилина, 2017]. Автор последнего исследования является одним из создателей корпуса XIX в., для которого была разработана система помет, позволяющих отследить отклонения от норм современного русского языка и выявить, насколько системный характер они имеют. В этом же русле выполнена работа [Ахапкина, 2019].

Таким образом, можно говорить о существовании традиции подобных исследований. В то же время, по словам Е.В. Падучевой, «изучение малых диахронических сдвигов только начинается» [Падучева, 2018, с. 61].

Материалы и методы. Материалом исследования послужили письма А.С. Пушкина на русском языке за 1830 г. В некоторых случаях для оценки широты использования конкретных единиц привлекались Словарь языка Пушкина (далее – СЯП) и Национальный корпус русского языка (далее – НКРЯ).

Единицы, пережившие исторические изменения, выделялись путем применения диахронического метода. Для выявления семантических особенностей элементов использовались методы контекстуального и компонентного анализа. Наконец, при проверке типичности для рассматриваемого периода тех или иных форм и конструкций на основании фиксации последних в словарях и НКРЯ применялся сопоставительный метод.

Результаты исследования. Одной из особенностей узуса первой половины XIX в., как уже отмечалось [Винокур, 1959; Добровольский, 2001], было само наличие вариантов, один из которых впоследствии был устранен. Эта вариативность особенно заметна в морфемном облике слов, однако ее можно видеть и в конструкциях с управлением. Ниже рассмотрены подобные единицы, а также элементы узуса, которые не имели вариантов.

Вариативные формы с «выпадением»/без «выпадения» гласного в морфеме. Этот факт отмечен Л.А. Булаховским в числе произносительных вариантов и объяснен созданием поэтического ритма [Булаховский, 1948, с. 7–11]. Однако примеры такой вариативности встречаются не только в поэзии, но и в прозаических текстах.

В проанализированных письмах довольно частотны существительные среднего рода с суффиксом *-ij- /-j-* (*счастье, несчастье, новоселие, мечтанье, вниманье, чтение/чтение, утешение*). Варианты могут наблюдаться в пределах одного контекста:

...имел я счастье о том Вас уведомить (А.Х. Бенкендорфу, с. 288).

Пушкин приходил поздравить Вас с новоселием (М.П. Погодину, с. 294).

Чтение его «Истории» заменило Жуковскому чтение Муравьева статс-секретаря (П.А. Вяземскому, 283).

Дамы от него в восхищении (М.Н. Загоскину, с. 281).

В современном русском языке нормативно закреплён только один из вариантов (*счастье*, но *внимание*). В «Русской грамматике», правда, отмечено несколько слов, в отношении которых вариативность допускается [Русская грамматика, 1982, т. 1, с. 127], однако словари последних десятилетий и речевая практика демонстрируют практически во всех случаях использование только одной формы (ср. *усердие* при отсутствии *усердые*).

Такой же вариативностью характеризовалась флексия творительного падежа *-ию/-ию* у существительных 3 склонения (ср. в русском языке *-ию*). Во всех проанализированных примерах встретилась только форма на *-ию*, однако СЯП показывает, что Пушкин употреблял и формы без *и*:

С искренним и глубоким почтением и совершенной преданностию честь имею быть, милостивый государь (А.Х. Бенкендорфу, с. 288).

Ваши 1800 р. ассигнациями получил с благодарностию (М.П. Погодину, с. 303).

Скучно издавать газету одному с помощью Ореста, несносного друга и товарища (П.А. Вяземскому, с. 283).

Вам обязан я больше нежели чем жизнью (А.Н. Гончарову, с. 297). Заметим, что в этом примере есть и ошибочный для современного языка союз *нежели чем*.

Вариативность форм творительного падежа существительных, прилагательных, местоимений на *-ою (-ею)/-ой (-ей)*. Л.А. Булаховский, ссылаясь на Н. Греча, отмечает, что в начале XIX в. второй вариант окончания воспринимался как просторечный [Булаховский, 1948, с. 104]. В письмах Пушкина встретились оба варианта с преобладанием окончания *-ою*, однако о действительном соотношении таких форм только на основании писем судить трудно. Формы на *-ою (-ею)*, согласно последним разысканиям, продолжают оставаться активными на протяжении всего столетия, при этом принцип выбора одного или другого варианта не ясен [Падучева, 2018, с. 54].

Это отчасти было причиною невольного моего проступка (А.Х. Бенкендорфу, с. 288).

Булгарин изумил меня своею выходкою (П.А. Вяземскому, с. 290).

Я с охотою взялся бы выкупить Ваши долги... (В.С. Огонь-Догановскому, с. 305).

Я писал тебе премеланхолическое письмо, милый мой Петр Александрович, да ведь меланхолией тебя не удивишь (П.А. Плетневу, с. 313).

Что за сердце у ней? твердою дубовою корой, тройным булатом грудь ее вооружена, как у Горацьева мореплавателя (П.А. Вяземскому, с. 319). В этом примере, кроме того, присутствует не свойственная современному литературному языку, но встречающаяся в просторечии форма родительного падежа (*у*) *ней*.

Вариативные формы глагола. В письмах встретился глагол *обойтись*, который поэт употреблял наряду с *обойтись* и *обойтися*. Вид *обойтись*

встречается у Пушкина семь раз [СЯП, 2000, т. 3, с. 46] (из них два раза в анализируемом материале) и представляет определенную трудность при оценке степени его распространенности в указанный период. Словарь церковнославянского и русского языка, относящийся к середине столетия, уже не фиксирует этой словоформы, в текстах этого же времени (по данным НКРЯ) она тоже не встречается. Однако именно этот вариант глагола был характерен для языка XVIII и, по-видимому, начала XIX в. [Словарь русского языка XVIII в., 2006, вып. 16, с. 36]. Глагол входил в видовую пару с *обходиться*, имевшим несколько значений, и впоследствии был вытеснен вариантом *обойтись*. Можно предположить, что поэт усвоил это слово из речевой практики старшего поколения и сделал чертой индивидуального употребления.

Оба примера из писем отражают одно значение – ‘прожить, не испытывая необходимости в чем-либо’:

Вот тебе моя просьба. Погодин собрался ехать в чужие края, он может обойтись без вспоможения (П.А. Вяземскому, с. 290).

Осмеливаюсь повторить Вам то, что уже говорил я Золотову: главное дело не вооружить противу себя Канкрин, а никак не вижу, каким образом Вам без него обойтись (А.Н. Гончарову, с. 304).

Деепричастия, отсутствующие в современном языке. В приведенных ниже примерах два деепричастия образованы от глагола совершенного вида с помощью суффикса *-а-* (*-я-*) (при обычном в современном языке *-в-*), еще одно создано по модели, утраченной в современном литературном языке, но сохраняющейся в просторечии (ср.: сказать не подумавши):

О слоге упомяну я вкратце, предоставя его журналам, которые, вероятно, подымут его на царя (и поделом), а вы их послушайтесь (М.П. Погодину, с. 324).

Здравствуй, душа моя, каково поживаешь, а я, оконча дела мои, еду в Москву (П.А. Плетневу, с. 314).

Государь, получив просьбу Вашу, отдаст ее непременно на рассмотрение министра финансов, а министр, уже раз отказавши, захочет и теперь поставить на своем (А.Н. Гончарову, с. 304).

Формы множественного числа у существительных, относящихся в современном литературном языке к категории *singularia tantum*.

Возвратитесь обогащенные воспоминаниями, новым знанием, вдохновениями (С.П. Шевыреву, с. 295).

Позвольте мне... еще раз сердечно Вас поблагодарить за отеческие милости (А.Н. Гончарову, с. 303).

Форма глагола или причастие не употребляется в современном русском языке. При этом сам глагол, от которого образована форма, в настоящее время вполне употребителен.

Что моя трагедия? отстойте ее, храбрые друзья! (П.А. Плетневу, с. 316). Императив *отстойте*, который образован от вполне нормативного в современном языке глагола совершенного вида *отстоять* со значением (‘защитить’),

сегодня не употребляется. Здесь уместна была бы форма несовершенного вида *отстаивайте*, образованная от глагола того же вида, или *защитите*.

Я радуюсь, я счастлив, что несколько строк, робко наброшенных мною в «Газете», могли тронуть вас до такой степени (Н.И. Гнедичу, с. 280). Причастие *наброшенный* образовано от глагола *набросать*, то есть в данном случае ‘быстро, бегом написать’. Глагол функционирует в русском языке, но от него нормативно образуется причастие *набросанный*. Надо сказать, что и это причастие очень редко встречается: в НКРЯ с начала 2000-х зафиксировано 3 примера в указанном значении.

Слова не сохранили данного значения в современном языке. Речь идет о лексемах, которые употребляются в русском языке, но с другими значениями. Часто семантические сдвиги происходят из-за сужения значений многозначных слов и закрепления с соответствующим значением другой лексемы. Семантический сдвиг нередко влечет изменение синтаксического окружения.

Обратимся к примерам:

Свадьба моя отлагается день ото дня далее (П.А. Плетневу, с. 311). Глагол *отлагаться* и мотивирующий его глагол *отлагать* в значении ‘переносить’ практически не встречаются в современном языке (в НКРЯ присутствуют единичные примеры в стилистически маркированных контекстах). Для современного узуса свойственно одно значение *отлагаться* – ‘образовывать отложения из частиц размытых пород’ (БТС, 2000, с. 751). Заметим, что БАС-3 приводит этот пушкинский контекст (и он единственный) для иллюстрации значения ‘переноситься на другой срок’. Типичным в приведенном контексте было бы сказать *откладывается*, но в таком случае аномальной будет сочетаемость с обстоятельствами *день ото дня далее*.

...ваши 1800 р. ассигнациями получил с благодарностию, а прочие чем вы скорее достанете, тем меня более одолжите (М.П. Погодину, с. 303). Согласно современной норме, глагол *одолжить* входит в конструкцию *одолжить что-либо кому-либо* (в просторечии и *у кого-либо*) и означает ‘дать (взять) займы’. В приведенном контексте сегодня уместно было бы сказать *обяжете*. Во времена Пушкина значение ‘дать займы’ было хорошо известно, однако едва ли не более активно слово употреблялось в значении ‘обязать, вызвать чувство признательности к себе’ [СЯП, 2000, т. 3, с. 103]. В БАС-3 значение присутствует с пометой *устаревшее* [2009, т. 13, с. 502].

Слово утрачено в современном языке. Таких примеров немало. Здесь остановимся на нескольких.

Не посылаю вам замечаний (частных) потому что некогда вам будет переменять то, что требует перемены (М.П. Погодину, с. 324). Глагол *переменять* (и тем более глагол совершенного вида *переменить*), на первый взгляд, кажется нормальным для современного языка. Однако поиск актуальных контекстов, в которых могло бы появиться это слово, приводит во всех случаях к родственным глаголам с другими приставками (*изменять, заменять, сменять* и т.п.).

БАС-3 отмечает этот глагол как устаревающий [2011, т. 16, с. 222]. НКРЯ уточняет эти данные: тексты двух последних десятилетий показывают относительную употребительность глагола *переменить* (387 примеров) и отсутствие глагола *переменять*.

Все это не очень утешно (П.А. Плетневу, с. 311). В современном языке функционируют либо приставочные образования (*безутешно, неутешно*), которые, однако, не встречаются в роли предиката, либо образования с другим суффиксом (*утешительно*). БАС-1 фиксирует слово как устаревшее [1964, т. 16, с. 1039]. В БТС оно отсутствует.

Соперничествовать с Раичем и Шалиновым как-то совестно (П.А. Вяземскому, с. 296). По данным СЯП, у Пушкина это слово встречается только один раз, однако оно было известно узусу XIX столетия. В НКРЯ немногочисленные контексты с этим словом и производными от него причастиями и деепричастиями относятся к середине и концу века, а последний пример датируется 1937 г. В БАС-1 слово отсутствует.

Глагольное управление отличается от современного. Некоторые случаи глагольного управления первой половины XIX в. были описаны в [Булаховский, 1948], отдельные примеры управления в речевой практике Пушкина – в [Добровольский, 2001]. Проанализированный материал демонстрирует два типа грамматических сдвигов в управлении:

1) предлог при управляемом слове изменяется или утрачивается, сама же падежная форма не меняется;

2) меняется падежная (предложно-падежная) форма, иногда при этом происходят и другие трансформации, например включение в конструкцию дополнительного слова или замена самой конструкции.

Примеры первого типа:

Что касается до памятника, то я тотчас по приезде в Москву писал о нем Бенкендорфу (А.Н. Гончарову, с. 303). Ср.: *касается памятника*.

Я живу в деревне, как в острове, окруженный карантинами (А.А. Дельвигу, с. 318). Ср.: *на острове*.

Каков ты с министрами? и будешь ли ты в службе новой? (П.А. Вяземскому, с. 288). Ср.: *на службе*.

Третьего дня приехал я в Москву и прямо из кибитки попал в концерт (П.А. Вяземскому, с. 286). Ср.: *на концерт*.

Не знаю, кого винить, не смею никого винить, но я писал к тебе несколько раз... (Н.С. Алексееву, с. 328). Ср.: *писал тебе*.

Примеры второго типа:

Прощай, душа, на другой почте я, может быть, еще что-нибудь тебе пришлю (А.А. Дельвигу, с. 318). Ср.: *с другой почтой / другой почтой*. В СЯП контексты с предложным падежом иллюстрируют именно значение ‘событие отправки почты’, а не ‘учреждение для отправки корреспонденции’ [2000, т. 3, с. 653].

Написал я прозою 5 повестей, от которых Баратынский ржет и бьется... (П.А. Плетневу, с. 326). Ср.: в *прозе*. Форма творительного падежа актуализирует сему 'способ изложения', в то время как предложный падеж – сему 'форма, в которую вкладывается содержание'. Такое же управление было характерно и для слова *стихи*. У Пушкина встречаются и формы предложного падежа этих существительных. В современном языке творительный инструмента сохраняется для обозначений стихотворных размеров (ямб, хорей и т.п.). Вообще же и форма в *прозе* при глаголах, обозначающих создание текста, будет сегодня неестественна, так как на этот смысл будет указывать сам тип текста: *написал 5 повестей*.

Неужто нельзя выхлопотать этого дозволения? справься-ка с молодыми министрами, да и с Бенкендорфом (П.А. Вяземскому, с. 296). Ср.: у *министров*. Здесь характер управления определяется семантикой управляющего глагола. Глаголы *справиться, узнать, спросить* актуализируют смысл 'получение информации из источника', что нормативно выражается сейчас родительным падежом. С творительным падежом, акцентирующим внимание на совместности производимого действия, а не на результате, сейчас уместно было бы употребить глагол *поговорить*.

Я было написал на него ругательную анти-критику, слогом «Галатеи» – взяв в эпиграф Павлуша медный лоб приличное названье! – собирался ему послать, но не знаю куда дел (П.А. Вяземскому, с. 283). Ср.: в *качестве эпиграфа/эпиграфом*.

Надеюсь при своем возвращении найти Вас и все семейство Ваше в добром здравии (М.Н. Загоскину, с. 306). Ср.: *после (своего) возвращения*.

Заключение. Случаи отклонения от современной языковой нормы, зафиксированные в письмах А.С. Пушкина, подтверждают общее положение о том, что узус XIX столетия существенно отличается от современного, и эти отличия затрагивают (хотя и в разной степени) практически все подсистемы языка. Это еще раз свидетельствует о том, что для реконструкции речевой практики указанного периода необходимо накопление достаточного эмпирического материала, то есть исследование с точки зрения динамики узуса письменного наследия как можно большего числа авторов XIX в., в том числе и таких, казалось бы, хорошо изученных, как Пушкин.

Проанализированные примеры демонстрируют широкую вариативность на уровне морфем, морфологических форм и синтаксических единиц – это в целом подтверждает уже имеющиеся выводы [Винокур, 1959], что язык XIX в. характеризовался значительно большей подвижностью нормы, чем современный.

Приведенные контексты, демонстрирующие не свойственное для современного русского языка синтаксическое окружение слов, дополняют представление о происшедших в них семантических сдвигах. Количество таких сдвигов, по видимому, довольно велико. Это позволяет ставить вопрос о корректировке данных позднейших лексикографических источников, ориентирующихся во многих случаях на словоупотребление писателей XIX в. (ср. приведенный пример с глаголом *отлагаться*). Сегодня эта задача существенно облегчается благодаря электронным текстовым корпусам.

Особый интерес представляет изучение глагольного управления. С одной стороны, сопоставление конструкций XIX в. с современными «высвечивает» внешние отличия, например, использование предлогов там, где сейчас беспредложное управление (*касается до памятника, писал к тебе*) или активность одних предлогов по сравнению с другими (*в острове, в службе, в концерт*), что, в свою очередь, могло быть влиянием французского языка (это требует отдельного исследования). С другой стороны, в таких конструкциях обнаруживаются незаметные, на первый взгляд, компоненты значения, которые слово имело в этот период и которые определяли его лексико-грамматическую сочетаемость.

Список словарей и источников

1. Большой академический словарь русского языка. М.: Наука, 2009. Т. 13. 769 с. (БАС-3).
2. Большой академический словарь русского языка. М.: Наука, 2011. Т. 16. 638 с. (БАС-3).
3. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с. (БТС).
4. Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10 т. М.: Правда, 1981. Т. 9. 447 с.

Библиографический список

1. Ахапкина Я.Э. Микродиахронические сдвиги в употреблении глагольной лексики (на материале повести И.А. Тургенева «Ася») // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2019. Т. XV, № 3. С. 271–294. DOI: 10.30842/alp2306573715311
2. Булаховский Л.А. Русский литературный язык первой половины XIX века. Лексика и общие замечания о слоге. Киев: Изд-во Киев. гос. ун-та, 1957. 492 с.
3. Булаховский Л.А. Русский литературный язык первой половины XIX века. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис. Киев: Радянська школа, 1948. 466 с.
4. Винокур Г.О. Пушкин и русский язык // Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959. С. 189–206.
5. Добровольский Д.О. К динамике узуса (язык Пушкина и современное словоупотребление) // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 161–178.
6. Добровольский Д.О. Лексическая семантика в диахронии: язык художественной прозы Пушкина и современное словоупотребление // Авторская лексикография и история слов: к 50-летию выхода в свет словаря языка Пушкина: сб. ст. М.: Азбуковник, 2013. С. 76–82.
7. Добровольский Д.О. Лексическая сочетаемость в диахронии (к динамике узуальных норм) // Русский язык сегодня. М.: Азбуковник, 2003. Вып. 2: Активные языковые процессы конца XX века. С. 125–138.
8. Зализняк Анна А. Об эффекте ближней семантической эволюции // PHILOLOGICA. Двужычный журнал по русской и теоретической филологии. 2012. Т. 9, № 21/23. С. 1–22.
9. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс] // Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. М., 2003–2023. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 14.04.2023).
10. Падучева Е.В. Из наблюдений над языком Л. Толстого (к вопросу о малых диахронических сдвигах) // Вопросы языкознания. 2018. № 5. С. 49–63. DOI: 10.31857/S0373658X0001396-4
11. Пеньковский А.Б. Загадки пушкинского текста и словаря («Евгений Онегин», 1, XXXVII, 13–14) // Philologica. 2000. Т. 6, № 14–16. С. 41–70.

12. Рахилина Е.В. Говорю я, Карл... // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Москва, 31 мая – 1 июня 2017 г.). Вып. 16 (23). М.: Изд-во РГГУ, 2017. Т. 2. С. 384–394.
13. Русская грамматика: в 2 т. М.: Наука, 1982. Т. 1. 783 с.
14. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1964. Т. 16. 1610 с. (БАС-1).
15. Словарь русского языка XVIII века. СПб.: Наука, 2006. Вып. 16 (Обломить – Онца). 277 с.
16. Словарь языка Пушкина: в 4 т. М.: Азбуковник, 2000. Т. 3. 975 с. (СЯП).
17. Томашевский Б.В. Вопросы языка в творчестве Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. Т.1. С. 126–184.

Сведения об авторе

Кудрявцева Екатерина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и речевой коммуникации, Сибирский федеральный университет (Красноярск); e-mail: katekudr@yandex.ru

RECONSTRUCTED FRAGMENT OF SPEECH PRACTICE DATED BACK TO 19TH CENTURY ON THE EXAMPLE OF THE LANGUAGE OF ALEKSANDR S. PUSHKIN

E.A. Kudryavceva (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article is devoted to usual linguistic units of the 19th century reflected in the letters of A.S. Pushkin in the aspect of their inconsistency with modern standards. The study of “small diachronic shifts” that have occurred in the language for 100–200 years seems to be very relevant today, since the language of Pushkin’s time is already far enough away from us to delimit it from modern usage. This requires the accumulation and systematization of relevant linguistic facts.

The purpose of the article is to characterize a number of pronunciation, grammatical and lexical units characteristic of the 19th century *usus*, in contrast to the modern one.

Research material. The main material of the study was the letters of A.S. Pushkin dated back to 1830. The data of Pushkin’s Dictionary of Language and the National Corpus of the Russian Language were used as additional material.

Research methods include diachronic, comparative, contextual and component analysis.

Research results. The analysis of Pushkin’s epistolary texts prove the idea that the pronunciation and grammatical norms of the 19th century were characterized by a wider variability compared to the modern language. The fixation of the meanings of words relevant to the Pushkin era in modern dictionaries does not always reflect the actual practice of their use, since significant semantic changes could occur in these lexemes. Examples of verbal control can also indicate small semantic shifts in words, as indicated by a change in their lexical and grammatical compatibility.

Keywords: *19th century usus, small diachronic shifts, Pushkin’s language, variability of language units, morphological forms, lexical semantics, verb government.*

List of dictionaries and sources

1. Big academic dictionary of the Russian language. Moscow: Nauka, 2009. T. 13. 769 p.
2. Big academic dictionary of the Russian language. Moscow: Nauka, 2011. Vol. 16. 638 p.
3. Big explanatory dictionary of the Russian language / Comp. and Ch. ed. S.A. Kuznetsov. St. Petersburg: Norint, 2000. 1536 p.
4. Pushkin A.S. Collected Works: in 10 vol. Moscow: Pravda, 1981. Vol. 9. 447 p.

References

1. Akhapkina Ya.E. Microdiachronic shifts in the use of verbal vocabulary (on the material of I. A. Turgenev’s story “Asya”) // Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Research. 2019. Vol. XV, No. 3. P. 271–294. DOI: 10.30842/alp2306573715311
2. Bulakhovsky L.A. Russian literary language of the first half of the 19th century. Vocabulary and general remarks about the syllable. Kyiv: Kyiv State University Press, 1957. 492 p.
3. Bulakhovsky L.A. Russian literary language of the first half of the 19th century. Phonetics. Morphology. Word stress. Syntax. Kyiv: Radyan’s school, 1948. 466 p.
4. Vinokur G.O. Pushkin and the Russian language // Vinokur G. O. Selected works on the Russian language. Moscow: Uchpedgiz, 1959. P. 189–206.
5. Dobrovolsky D.O. On the dynamics of the usage (Pushkin’s language and modern word usage) // Russian language in scientific coverage. 2001. No. 1. P. 161–178.

6. Dobrovolsky D.O. Lexical semantics in diachrony: the language of Pushkin's fiction and modern word usage // Author's lexicography and the history of words: on the occasion of the 50th anniversary of the publication of Pushkin's Dictionary of Language: collection of articles. Moscow: Azbukovnik, 2013. P. 76–82.
7. Dobrovolsky D.O. Lexical compatibility in diachrony (on the dynamics of usual norms) // Russian language today. Active language processes at the end of the 20th century. Moscow: Azbukovnik, 2003. Is. 2. P. 125–138.
8. Zaliznyak Anna A. On the effect of near semantic evolution // PHILOLOGICA. Bilingual journal on Russian and theoretical philology. 2012. Vol. 9, No. 21/23. P. 1–22.
9. National Corpus of the Russian Language (NCRL) [Electronic resource] // Institute of the Russian Language. V.V. Vinogradov RAS. Moscow, 2003–2023. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (access date: 04.14.2023).
10. Paducheva E. V. From observations on the language of L. Tolstoy (to the question of small diachronic shifts) // Problems of Linguistics. 2018. No. 5. P. 49–63. DOI: 10.31857/S0373658X0001396-4
11. Penkovsky A.B. Riddles of Pushkin's text and dictionary ("Eugene Onegin", 1, XXXVII, 13–14) // Philologica. 2000. Vol. 6, No. 14–16. P. 41–70.
12. Rakhilina E.V. I'm talking, Karl... // Computational Linguistics and Intelligent Technologies: Based on the materials of the annual international conference "Dialogue" (Moscow, May 31 – June 1, 2017). Is. 16 (23). Moscow: Russian State University for the Humanities, 2017. Vol. 2. P. 384–394.
13. Russian Grammar: in 2 vol. Moscow: Nauka, 1982. Vol. 1. 783 p.
14. Dictionary of the modern Russian literary language: in 17 vol. Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1964. Vol. 16. 1610 p.
15. Dictionary of the Russian language of the XVIII century. St. Petersburg: Nauka, 2006. Is. 16. 277 p.
16. Dictionary of the Pushkin language: in 4 vols. Moscow: Azbukovnik, 2000. Vol. 3. 975 p.
17. Tomashevsky B.V. Questions of language in Pushkin's work // Pushkin: Research and materials. Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1956. Vol. 1. P. 126–184.

About the author

Kudryavceva, Ekaterina Aleksandrovna – PhD (Philology), Associate Professor, Department of Russian Language and Speech Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: katekudr@yandex.ru